

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ П. П. СМЕРНОВА «ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XIV — XV ВВ.»

Проф. В. Мавродин

Следует приветствовать инициативу редколлегии журнала «Вопросы истории», предоставившей возможность обсудить один из наиболее важных вопросов русской истории — об образовании русского национального государства. Нет никакого сомнения, что этот вопрос интересует не только историков, но и широкие слои нашего народа.

В истории русского народа период образования национального государства является одним из важнейших этапов, и правильное освещение этого периода в нашей исторической литературе — одна из основных задач советских исследователей. В годы Отечественной войны интерес к проблеме складывания и развития русской государственности значительно возрос.

Исторические речи И. В. Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., в которых вождь советского народа говорил о наших великих предках, о великой русской нации, здравица, провозглашённая им в честь русского народа после победоносного завершения Отечественной войны, ещё больше усилили интерес к прошлому нашей Родины.

Помогает ли статья проф. П. П. Смирнова, опубликованная в № 2—3 журнала «Вопросы истории» за 1946 г., выяснению этой важнейшей проблемы истории русского средневековья? Мне кажется, она не только не помогает разрешению вопроса, а запутывает его. Нельзя отказать П. П. Смирнову в смелости, с которой он расправляется со всеми, кто занимался вопросами образования русского национального государства, начиная от М. И. Щербатова и Н. М. Карамзина и кончая советскими историками — К. В. Базилиевым, М. Н. Тихомировым и автором этих строк.

Нельзя отказать П. П. Смирнову, инициатору дискуссии, открытой на страницах журнала «Вопросы истории», и в оригинальности мысли, хотя его аргументация зачастую остаётся необоснованной, а иногда переходит в фантазию.

Первую часть своей статьи П. П. Смирнов посвящает критике взглядов ряда исследователей. Считая, повидимому, что всякий исследователь должен начисто отрицать всё, совершённое его предшественниками, и опровергать их выводы во что бы то ни стало, П. П. Смирнов отказывает Карамзину, и Соловьёву, и Ключевскому, и Преснякову, и многим другим даже в самых скромных достижениях в области изучения интересующей нас проблемы образования русского государства.

Конечно, ни дворянская, ни буржуазная историческая наука не могла правильно разрешить эту проблему; она не могла даже поставить её в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Проблема образования русского государства может быть разрешена только на основе исторического материализма, на основе марксистско-ленинского учения об обществе и государстве. Тем не менее и в работах Соловьёва, и в трудах Ключевского, и в исследованиях Преснякова есть целый ряд интересных, здравых мыслей, наблюдений и обобщений, отказываться от которых при изучении русской истории XIV—XVI вв. нет никаких оснований.

Пример отношения к историческим трудам дворянских и буржуазных историков показывают основоположники марксизма-ленинизма, использовавшие труды исследователей, чьи взгляды на историческое развитие общества были бесконечно далеки от марксизма. Они нас учат не отбрасывать всё, добытое мыслью предшествующих поколений, а использовать то целесообразное, что добыто нашими предшественниками и стало достоянием науки до нас.

В качестве примера можно привести работы Н. И. Костомарова, использованные К. Марксом в «The secret diplomatic history of the eighteenth century» и в конспекте о Степане Разине, а также его замечательные «Хронологические выписки» по всеобщей истории, которые широко использованы в советской исторической науке и являются руководящим материалом при разрешении ряда проблем.

Свое отрицательное отношение к «Русской истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей» Костомарова П. П. Смирнов перенёс и на работу Маркса «Secret diplomatic history». В своей статье он заявляет: «Вероятно, отсюда (из работы Н. И. Костомарова. — В. М.) взял материал для характеристики Ивана Калиты и Ивана III К. Маркс». Характеристика, данная К. Марксом Калите, не совсем совпадает с характеристикой, данной ему П. Смирновым. Этого достаточно для П. П. Смирнова, чтобы, опорочив источник, которым пользовался Маркс, опорочить и данную им характеристику.

Такое легкомысленное отношение П. П. Смирнов проявляет к работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств¹ в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

Казалось бы, не может быть сомнений в том, что Ленин считает слияние областей, земель и княжеств Руси в единое государство результатом устанавливающегося обмена между ними, прекращения былой их экономической изолированности, результатом постепенно растущего товарного обращения.

Но П. П. Смирнов почему-то делает из этой мысли Ленина совершенно неожиданный вывод. «В приведённом отрывке, — заявляет он, — Ленин ничего не говорит о причинах, благодаря которым возникло Московское государство... развитие внутреннего обмена сопровождается, а не предваряет и не определяет образование государства». Этим самым П. П. Смирнов вступает в противоречие с Лениным.

Не менее характерно стремление П. П. Смирнова по-своему толковать высказывания И. В. Сталина по вопросу об образовании централизованных государств на востоке Европы. В ряде своих работ И. В. Сталин отмечает, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы, в частности в России, проходил «раньше ликвидации феодализма», «в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма», когда «капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось», этим самым совершенно отчётливо рисуя и способ общественного производства, господствовавший на Руси в период образования централизованных государств, и то новое, что возникало в рамках феодальной формации³.

¹ Речь шла о землях и княжествах, на которые ранее распадалось русское государство, сохранявших «живые следы» прежней автономии. — В. М.

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 137. 4-е изд.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10, 10—11, 65, 73. Партиздат. 1935.

Между тем П. П. Смирнов утверждает, что «в обоих высказываниях товарища Сталина (кстати отметим, третье высказывание И. В. Сталина по интересующему нас вопросу, в тезисах «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», почему-то осталось неизвестным П. П. Смирнову.— В. М.) не ставилась задача выяснения причин, которые привели к уничтожению феодальной раздробленности и образованию единых национальных или многонациональных государств», а вопрос об обороне страны, о внешней опасности, ускорившей складывание централизованных государств, которому товарищ Сталин придаёт столь большое значение, по мнению П. П. Смирнова, не определяет собой существа процесса. Выходит, что И. В. Сталин о внутренних причинах образования централизованного русского государства ничего не говорит, а внешний фактор не является определяющим.

Неверно понимает П. П. Смирнов и вопрос о национальном составе централизованного русского государства. Когда процесс централизации государственности и складывания самодержавия был в основном завершён в царствование Ивана Грозного, русское государство было многонациональным, состоявшим «из нескольких народностей, ещё не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство». Терминами «национальность» и «народность» И. В. Сталин пользуется альтернативно, противопоставляя им понятие «нация»¹.

П. П. Смирнов полагает, что в национальность сложились лишь великороссы, «тогда как другие ещё не успели созреть до национальности». Это неверно. Народностями были и татары, и башкиры, и мордва.

Такое обращение с работами основоположников марксизма-ленинизма вызывает по меньшей мере недоумение. К чему это приводит, можно судить по следующему. П. П. Смирнов пишет: «В это время невозможно было забыть великому князю «всёя Руси», а дальше приводит слова товарища Сталина из его работы «Марксизм и национально-колониальный вопрос» о том, что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»².

П. П. Смирнов игнорирует замечание К. Маркса о том, что «он (Иван Калита. — В. М.) уговорил хана назначить его сборщиком дани по всем русским удельным княжествам. Вступив однажды в исполнение этих функций, он начал вымогать деньги, вымышляя для того всевозможные предлоги. Это богатство, собранное ханским именем, заставлявшим всех трепетать, он употреблял затем на подкуп тех же татар»³, считая такую мысль наивной и не выдвигая в противовес ей ни одного источника, ни одного факта.

После этого могут ли не поразить читателя такие слова: «Особое подчёркивание национального момента понятно в условиях военного творчества. Однако превращать его в основной двигатель истории не следует. Такая концепция даже для одного XIV в. всё же сближала бы нас с концепциями псевдонаучными». Эти слова заключают в себе огульное охаивание как «ненаучных» всех тех трудов по нашей отечественной истории, которые были изданы в годы Отечественной войны и сыграли свою роль в деле воспитания чувства советского патриотизма. П. П. Смирнов, таким образом, объявил ненаучным и беллетристичкой всё то, что сделано было историками в годы Отечественной войны по изучению героического и великого прошлого народа.

Как далеко назад ушёл П. П. Смирнов от И. Е. Забелина, который писал: «Действительно, твёрдую опору и непоколебимую почву для

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6, 10, 65, 73.

² Там же, стр. 73.

³ К. Маркс «The secret diplomatic history of the eighteenth century», p. 79.

национального самосознания и самопознания всегда служит национальной историей!»

Несколько слов о приёмах критики П. П. Смирнова. Они, собственно говоря, несложны: излагаются взгляды рецензируемого автора, а затем без какого бы то ни было обоснования делается вывод об эклектичности, ненаучности и пр. и пр. этих взглядов; в тех случаях, когда одни и те же мысли высказываются П. П. Смирновым и другими историками, он «забывает» сослаться на других и сохраняет их только в своей «научной концепции». Приёмы, как известно, не новые, но отнюдь не заслуживающие подражания.

Так, например, П. П. Смирнов не посчитал необходимым указать, что многие из его тезисов не являются новостью. Таковы, например, тезисы о том, что начало объединения русских земель на грани XIII—XIV вв. проходило на фоне изживания народным хозяйством северо-восточной Руси последствий батыева нашествия; о распространении трёхполья и освоении земель, о «тишине» в Московском княжестве как одной из предпосылок возвышения Москвы; о противоречии между развитием производительных сил на Руси и феодальной раздробленностью и др. Все эти положения были высказаны ранее мной¹.

К чему же сводится концепция П. П. Смирнова об образовании русского национального государства? Для того чтобы уплатить дань золотоордынскому хану, Иван Калита должен был иметь деньги. Эти деньги он добывал путём обложения крестьян. Калите «при поисках выхода приходилось думать не только о количестве, а прежде всего о качестве имевшихся у крестьян «сох», о производительности крестьянского хозяйства, потому что только таким путём возможно было увеличить его доходность, привлечь серебро и удовлетворить алчность ханов». И вот находятся сведущие люди, которым стало известно, «каким образом повысить производительность сельского хозяйства». Первый среди них был Иван Калита.

Часто заглядывая в «греческий Номоканон», сиречь в «Кормчую книгу», Калита наводит порядок на Руси и изобретает лемеш, или косулю, — усовершенствованное земледельческое орудие «плужного типа». Этим самым он вводит трёхпольную систему севооборота, которую не только рекомендует, пропагандирует, но делает обязательной в землях детей боярских и дворян. Процесс распространения трёхполья следует считать и самопроизвольным и идущим сверху, от князя.

Благодаря этому нововведению Калита стал самым богатым и влиятельным князем на Руси, а московский хлеб — самым дешёвым. Калита снискал себе симпатии Орды, а московский крестьянин стал счастливым обладателем запасов дешёвого хлеба. «Лемеш, или соха-косуля, да навоз на крестьянском поле сделали его самым богатым князем в Русской земле; они дали средства для покупки Галича, Углича и Белоозера; ими он платил дань хану Узбеку и удерживал его милость, потому что не было хану расчёта резать курицу, несущую серебряные яйца». Вот что лежит в основе «собирания» Московской русских земель.

Концепции П. П. Смирнова нельзя отказать в стройности и продуманности, но может ли она быть принятой? Мне кажется, принять её нельзя. Что лежит в основе процесса образования русского централизованного государства? Несомненно, развитие производительных сил.

В своей замечательной работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает: «Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»². Эти процессы не могут не отразить-

¹ См. Мавродин В. «Образование русского национального государства», стр. 27—29, 35—36, 65, 129—130. Л. Политиздат. 1941.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 552. 11-е изд.

ся на классовой структуре общества, на соотношении сил борющихся классов, на государственном устройстве, культуре, идеологии.

В своих замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР тт. Сталин, Киров и Жданов указали, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были ещё закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»¹.

Следовательно, этапы общественного развития могут быть устанавливаемы и в зависимости от состояния непосредственного производителя, способа его эксплуатации и от формы государственного строя.

В рассматриваемый нами период в народном хозяйстве северо-восточной Руси протекают процессы, которые должны были неизбежно привести к ликвидации феодальной раздробленности и к созданию единого централизованного государства с самодержавной властью во главе.

К концу XIII—началу XIV в. Русь несколько оправилась от разорения, сопровождавшего татарское завоевание. Среди лесных пащ возникают пашни. Крестьяне общиной — «миром», отдельными семьями, дворами превращают лесные трущобы в возделанные поля, «выдирают» землю из-под леса, готовят её под пашню. Идёт процесс реколонизации. Опустошённые татарами земли, поросшие лесом, снова осваиваются, «расчищаются», превращаются в пашню. Крестьяне возвращаются на старые, насиженные места, где жили их деды и прадеды, осваивают новые пространства. Таким образом, земледелие растёт вширь, распространяется в землях, либо вовсе не освоенных русским людом, либо покрытых только всевозможного рода «уходами».

Одновременно идёт процесс распространения новых форм севооборота, развивается трёхпольная система. Когда появилось трёхполье, — сказать трудно. Повидимому, очень давно. Во всяком случае, как указывает Б. Д. Греков, оно уже существовало в XII веке². Нас сейчас интересует вопрос не о времени возникновения трёхполья, а о том, когда трёхпольная система севооборота стала господствующей на северо-востоке Руси. Нет никакого сомнения, что в XIV—XV вв. подсечное хозяйство было господствующей формой земледелия только на севере, тогда как на юге, у «береговой черты», по Оке превалировал перелог. Трёхпольная паровая система становилась преобладающей в центре северо-восточной Руси. Правильной трёхпольной системы с постоянной и регулярной сменой яри, озими и пара и тремя равными полями, повидимому, ещё не было. Существовало так называемое «пестрополье» и наряду с ним пашня «наездом», т. е. залежно-переложная и даже подсечная система³. Таким образом, я соглашаюсь с утверждением П. П. Смирнова, что в XIV—XV вв. происходят большие сдвиги в сельском хозяйстве северо-восточной Руси.

Первое моё расхождение с П. П. Смирновым заключается в том, что я не могу признать повышение продуктивности земледелия, падение цен на хлеб основными предпосылками образования русского государства и возвышения Московского княжества, так же как не могу представить себе Калиту в роли изобретательного и удачливого лабазника.

Второе моё расхождение с П. П. Смирновым заключается в том, что я считаю необоснованным его утверждение, будто Калита «ввёл» трёхполье для повышения доходности с целью изыскать деньги, требуемые ханом в качестве «выхода». Источники не дают нам права говорить

¹ «К изучению истории», стр. 22. Госполитиздат. 1938.

² Греков Б. «Борьба Руси за создание своего государства», стр. 45.

³ Лященко П. «История народного хозяйства СССР». Т. I, стр. 154—155.

о введении Калитой (или, в лучшем случае, при Калите и под его попечительством и покровительством, по его инициативе) трёхполья. Больше того, они не говорят о каком бы то ни было резком скачке в развитии земледелия в течение нескольких лет княжения Калиты. Во всяком случае, ни в каком изобретательстве в области сельскохозяйственного машиностроения и в массовых агрономических экспериментах московский князь, повидимому, повинен не был.

Ссылка на «Книги законные», в которых встречается рало и лемеш, не может быть принята во внимание, ибо данная статья, как и другие, как и весь памятник, является переводом с греческого на русский язык¹.

Возьмём в качестве примера пресловутую 59-ю статью. Она гласит в русском переводе: «Аще кто украдет рало, или лемеш, или подузу, казнен будет по числу днии от того дни, от нелиже украде, на всяк днь по грошеви, а лице отдасть». Путём сравнения с оригиналом на греческом языке можно установить, что это просто перевод с греческого языка.

Если «Земледельческий устав», содержащийся в «Книгах законных», мог быть «вполне применим в быту древнерусского крестьянства», как полагает замечательный знаток канонической литературы А. Павлов, то следует одновременно принять его предположение о том, что этот памятник переведён на русский язык не позднее XII или начала XIII в., т. е. в дотатарские времена, на что указывает бесчисленное количество архаизмов («кистребити ниву», «лупити мёртвых» и т. п.), тогда как сербизмы и слова, свойственные московскому периоду («волостель», «наместник», «казна», «грош»), объясняются позднейшими переписками, вставкой и обработкой переписчиков.

Таким образом, если признать статьи «Книг законных» о земледелии соответствующими русской действительности, то под этой последней придётся подразумевать не времена Калиты, а гораздо более ранние, XII—XIII века.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что XIV в. в истории сельского хозяйства древней Руси был периодом роста (а не возникновения) трёхполья, которое становится ведущей, а впоследствии и господствующей формой земледелия, периодом быстрого освоения новых пространств, распространения земледельческого хозяйства на новые районы, «сведения» лесов, «расчистки» чащ под пашни. Но это нельзя считать причиной образования русского государства, объединения Руси, «собирания» русских земель Москвой. От сохи к государству прямой дороги нет, — нужны связующие звенья.

И. В. Сталин указывает: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме»².

Русское национальное государство, фундамент здания которого заложил Калита, а возвели кровлю Иван III с сыном, являлось государством, главной задачей которого было «держать эксплуатируемое большинство в узде». Эксплуатируемым большинством на Руси было крестьянство.

Конец XIII и XIV век были периодом быстрого развития феодального землевладения. Огромные земельные владения принадлежали князю, монастырям, боярам. В раздачу пошли общинные «чёрные» земли. Крестьяне теряют свои земли и сами превращаются в несвободных, эксплуатируемых. Если раньше крестьянин считал, что «земля царёва и

¹ «Книги законные», изд. А. Павловым, стр. 56 и др. СПб. 1885.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 604.

великого князя, а моего владения», что земли княжие, а «роспаши и ржи наши», то теперь не только роспаши и ржи не были его владением, но и сам он переставал принадлежать себе, превращаясь в лично несвободного.

Потеря крестьянами своей свободы как в результате экспроприации их земель, имущества и личности, так и в результате закабаления происходила особенно быстро в центральной части северо-восточной Руси. Крестьянство, естественно, искало выхода из создавшегося положения и находило его в переходах, бегстве, в поисках новых земель и новых хозяев. Первых становилось всё меньше и меньше, а вторых — всё больше. Новый хозяин-феодал привлекал в первое время льготами, а затем старался наверстать с лихвой потерянное, усиливая нажим на крестьян. И снова уходили искать земли, снова пытались обрести потерянную свободу русские крестьяне. С этими переходами крестьян феодалы усиленно боролись.

Одним из моментов, обусловивших соби́рание земель под властью «великого» князя, было стремление многочисленных феодалов создать сильную власть, стоящую во главе всей феодальной иерархии, которая, сметая перегородки между княжествами, делавшие крестьян-беглецов неуволыми́ми для феодалов других княжеств, в масштабах «всеа Руси», «без рубежа», смогла бы обеспечить, укрепить и охранять их право на землю и на крестьян.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» указывают: «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства стоял монарх»¹.

Вот почему «обояривание» земель, распространение феодализма вширь, а с ними вместе и феодальное раздробление земель было необходимым этапом по пути превращения полупатриархальной, полуфеодальной Руси в феодальное общество. Как замена «общины» с данью «боярщиной», с оброком и барщиной была неизбежным звеном развития феодализма, так и теперь, на новом этапе развития производительных сил в земледелии, на новом этапе развития феодализма, феодальная раздробленность уже не соответствовала интересам подавляющего большинства класса феодалов, особенно нарождающегося, быстро растущего дворянства, и должна была быть ликвидирована.

Эта ликвидация политической системы «удельной поры» была обусловлена основными классовыми интересами феодалов, и зарождающееся централизованное государство должно было выполнить свою функцию — помочь господствующему классу держать в узде крестьянство.

Но не одна только просёлочная дорога привела русский народ к образованию централизованного государства, и не одни сельские пейзажи украшали его путь. Город сыграл очень большую роль в создании и развитии русской государственности, в объединении русских земель.

XIV—XV вв. в русской истории были периодом дальнейшего и сравнительно очень быстрого развития общественного разделения труда. Особенно ярко это бросается в глаза при сравнении с серединой и второй половиной XIII века. Развитие ремесла делает большие успехи. Выделение и развитие ремесла объясняется отнюдь не дешевизной хлеба, как полагает П. П. Смирнов, а эволюцией орудий труда, их совершенствованием, что требовало специальной ремесленной выучки, ростом рынка для ремесленных изделий, потребителем которых выступают и крестьянство, и городской люд, и правящая верхушка, всё чаще и чаще не довольствовавшаяся своим вотчинным ремеслом и прибегавшая к по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 15.

купке, ростом предложения хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Возрождаются старые, появляются новые города. Растут посады, улицы и концы, заселённые «чёрным людом», ремесленниками и купцами. Город разрастается. Вокруг города, княжеской резиденции — крепости — «острога»-кремля возникает бойкий торгово-ремесленный посад. Появляется многочисленное посадское население, производящее различные предметы обихода, оружие, орудия труда, одежду и т. д., торгующее ими и благодаря торгу тесно связанное с окрестной землёй. Купцы проникают в отдельные области древней Руси, в настоящие «медвежьи углы», торгуют в городах, ездят в «страны далёкие, чужеземные». Постепенно исчезает экономическая разобщённость отдельных княжеств, их типично вотчинная хозяйственная изолированность, являющаяся следствием политической обособленности (и одновременно обособленности языковсй, культурной, бытовой). Прокладываются новые торговые пути-дороги, оживляются старые.

Экономические и политические перегородки, воздвигнутые между княжествами, «мыта» и «рубежи» задерживают развитие торговли, порождённой ростом ремёсел и промыслов. Эти перегородки должны были пасть.

Ликвидация экономической изолированности отдельных русских земель и начало слияния их в единый хозяйственный организм диктовали необходимость ликвидации феодальной раздробленности. Существующая система государственности вступала в противоречие с развитием производительных сил. Постепенная ликвидация экономической разобщённости отдельных частей Руси подготавливает объединение Руси. Так, самым развитием производительных сил подготавливалось объединение русских земель в единое государство.

Не надо забывать и ещё один фактор огромной важности — национальное сознание и самопознание, национальное пробуждение. Чувство единства не умирало среди народа, и никакие княжие «котормы», никакие бури «удельной поры», усобицы, смуты и бесконечные «великие» и «малые разорения» не могли вытравить в сознании русского народа чувство единства всех русских людей — псковичей и новгородцев, тверичей и нижегородцев, москвичей и рязанцев. «Русская земля» и «Русь» — русский народ — всё это были в представлении народа понятия совершенно реальные. Искра национального самосознания была только прикрыта пеплом княжеских усобиц и удельных порядков, — и она возгорелась. Общение русских людей разных земель, городов и сёл друг с другом, их встречи на торгу, во время совместных походов и битв с «врагами» земли Русской разрушало прежнюю языковую и культурно-бытовую разобщённость, усиливало общее, отменяло частное, местное, налётное, обусловленное «безвременьем» «удельной поры», пробуждало чувство единства, патриотизма, чувство национального самосознания.

Так создавалась великорусская народность. Значение этого события в нашей жизни вряд ли возможно переоценить. Так подготавливалось экономически, политически и идеологически объединение Руси. Разве можно обойти молчанием эту важную проблему? К сожалению, П. П. Смирнов прошёл мимо неё.

Русь пробуждалась, силы её крепили, зрело национальное самосознание¹. Вот почему все прогрессивные элементы древнерусского общества — боярство, дворянство, посадский люд (ремесленники и купцы) и крестьянство — тяготели к олицетворявшему единство Руси великому князю, с течением времени конкретно — к московскому князю. Единствен-

¹ Об отражении национального возрождения в памятниках литературы см. Орлов А. «Героические темы древней русской литературы» и Лихачёв Д. «Национальное самосознание древней Руси».

ной силой, противопоставлявшей себя великому князю, пытавшейся остановить процесс объединения Руси, выступает многочисленное богатое и влиятельное удельное княжье и «иже с ними». Правда, число сторонников удельного княжья всё уменьшается, от них отходит их же посадский люд, отъезжают к великому князю бояре и «слуги вольные», но всё же, для того чтобы сломить их сопротивление, потребовалось княжение Ивана III, Василия III и опричнина Грозного.

Складывание централизованного государства и самодержавной власти шло вопреки желанию удельного княжья. В этом заинтересована была худородная меньшая братия феодальная, вчерашние «слуги под дворским», псары да конюхи, сокольники и еззовники, княжая дворян, будущее дворянство, шедшее к власти и добившееся её.

Оно требовало единой сильной власти в едином государстве, власти самодержавной, единых законов, государственного полицейского аппарата, а самодержавная власть, в свою очередь, опиралась на дворянство. Так, на смену одной феодальной группировки шла другая, на смену одной форме феодального государственного строя приходила другая, более совершенная форма.

Можем ли мы претендовать на разрешение затронутых вопросов? Нет. Они только поставлены, да и не все. В одной статье этого не сделаешь.

Исходя из всего вышесказанного, я не могу согласиться с утверждением П. П. Смирнова, что торговля служит только тормозом и играет консервирующую роль. Пример Новгорода, который не мог объединить под своей властью русские земли и не стремился к этому, ибо был торговым городом, меня не убеждает. Дело не в торговом характере Новгорода, а в том, что он был вечевой феодальной боярско-аристократической республикой, а объединение Руси могло произойти только в форме создания самодержавного государства. Новгородский вечевой строй и самодержавие — явления взаимоисключающие друг друга.

Объединение Италии произошло не вокруг Генуи или Венеции, а объединение Германии прошло мимо ганзейских городов. И не следует путать развитие торговли в данном городе с развитием торговли на Руси вообще.

Я не могу согласиться со стремлением П. П. Смирнова свести воедино процесс объединения русских земель и процесс возвышения Москвы. Он выступает против расчленения проблемы образования русского национального государства на отдельные вопросы и этапы. Но процессы, протекавшие в XIV в., отличаются от процессов, определяющих собой историческое развитие Руси в XV—XVI веках. Количественное нарастание привело к качественным изменениям. Образование русского централизованного государства и возвышение Московского княжества — разные явления, лишь с течением времени совпадающие.

Не только в конце XIII и начале XIV в., но даже в середине XIV в., во времена Юрия и Калиты, ещё не было известно, вокруг какого из русских центров пойдёт объединение Руси. Первой начала объединение Руси Тверь. Больше того, когда в середине XV в. в процессе княжеских усобиц Москва ослабела, Тверь снова попыталась взять в свои руки «собирающие» Руси. Претендовал на ту же роль ещё в начале княжения Дмитрия Донского и Нижний Новгород.

Но почему русское государство XV—XVI вв. оказалось не Тверским, не Нижегородским, а именно Московским государством, не «Тверией», а «Московией»? Не потому, что в Нижнем Новгороде не хватало хлеба или хлеб был очень дорог, не потому, что нижегородские князья и бояре меньше всего интересовались вотчинами и занимались работоторговлей (!), не потому, что Тверь каким-то неведомым путём сошла со сцены, а потому,

что стала реальной и действенной вся совокупность причин, сделавших Москву стольным градом всея Руси¹.

Не могу согласиться с утверждением П. П. Смирнова, что «рост производительных сил» и другие причины «взламывали крестьянский класс и раскалывали его на две антагонистические группы».

Противоречие между посадским людом и крестьянством, для ослабления впечатления названное «внутриклассовой борьбой», в процессе которой посадский человек одерживает верх над своим социальным предком — крестьянином, не укладывается ни в какие рамки и противоречит объективной исторической истине.

Я бы попросил П. П. Смирнова привести примеры, когда городской люд одерживал победу над крестьянством. Сделать московского государя Ивана III, сулящим крестьянам Юрьев день (а не ограничивающим свободу их передвижения Юрьевым днём), добрым правителем, «хорошим царём», как это делает П. П. Смирнов в конце своей статьи, а посадского человека — гончара или плотника — носителем гнёта в отношении крестьянина, его социальным врагом — по меньшей мере оригинально.

Последнее замечание по поводу статьи П. П. Смирнова. Откуда автор берёт материалы для утверждения, что княжеские, боярские и монастырские вотчины были «определены техникой переложной подсечной системы»? Есть ли основания утверждать, что княжеские, боярские и монастырские вотчины — это подсека, а дворянские поместья — это трёхполье? Таких оснований нет.

Говоря о рождении слоя средних и мелких землевладельцев — «помещиков великого князя», П. П. Смирнов утверждает, что «рождение этого слоя феодалов и его развитие было обусловлено новой техникой».

Не могу согласиться с тем, что русского дворянина породили лемеш, или соха-косуля, и трёхпольная система севооборота.

Заканчивая своё выступление по поводу статьи П. П. Смирнова, я хочу ещё раз подчеркнуть всю сложность и важность затрагиваемых в дискуссии вопросов. Необходимы серьёзные капитальные монографические исследования по вопросам образования русского централизованного государства. Чем скорей они появятся, тем лучше.

¹ См. Мавродин В. «Образование русского национального государства», стр. 42—48.